

Содержание

Найденъш. <i>Пер. Е. Доброхотовой-Майковой</i>	3
Зеленый карлик. <i>Пер. М. Лахути</i>	137
Секрет. <i>Пер. Е. Доброхотовой-Майковой</i>	269

Предисловие

В этой книге я представляю читающей публике Витрополя* не литературный вымысел, а простое изложение фактов. События, описываемые на следующих страницах, произошли в минувшем году в нашем собственном городе. Я осознаю, что мой рассказ начисто лишен занимательности, однако, надеюсь, не навлеку на себя обвинений в нескромности, если добавлю, что в нем нет той гнусной лжи, тех отвратительных поклепов, которыми иные сегодняшние сочинители обильно сдабривают свои ядовитые писания. Впрочем, одну мелкую рептилию** я все же мимоходом задел. Моя книжица теперь в руках читателей, и, надеюсь, обретет благоволение в их очах.

Капитан Дре в***

---

* В и т р о п о л ь (от *греч.* Verdopolis — Стекланный город) — место действия многих юношеских произведений сестер и брата Бронте. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Здесь Бронте имеет в виду лорда Чарлза Уэлсли — еще один ее ранний псевдоним. Литературная рознь между ним и капитаном Дре в о м проходит через все юношеское творчество Бронте.

*** К а п и т а н Д р е в — один из ранних псевдонимов Шарлотты.

Глава 1

Лет двадцать назад в том отдаленном уголке доброй старой Англии, который именуется Дербиширом, стоял маленький домик под соломенной крышей, с беленым, обвитым жимолостью крыльцом и любовно возделанным садиком, возвещавшим случайному прохожему, что здешние обитатели не совсем обездолены и не утратили вкус к тем милым излишествам, которые так осязаемо скрашивают жизнь всякой правильно чувствующей природы. Местность, окружающая этот счастливый уголок, с севера примыкала к длинному зубчатому хребту, над которым туманным лазурным конусом высился одинокий пик. На запад и на юг тянулась плодородная равнина, орошаемая живоносными водами Дервента, на востоке величественная дубрава тесно обступала Оуквуд-холл, древнюю фамильную усадьбу местного джентльмена, совершенно скрывая ее от глаз.

Был ненастный вечер на исходе сентября, когда Джон Картрайт и его жена Маргарет сидели под кровом смиренной хижины, где прожили сорок с лишним лет так счастливо, как только

может быть счастлива супружеская чета в нашем мире забот и треволнений. Огонь горел ярко и весело; камин, пол и поблескивающий комод явно находились на попечении архиприлежной хозяйки. Джон последние два часа был погружен в чтение душеспасительной книги, чей узкий черный шрифт и пожелтелые страницы свидетельствовали со всей явственностью, что это не эфемерное дитя нынешних дней, а труд, заботливо передаваемый из поколения в поколение. Наконец Джон с красноречивым зевком закрыл почтенный фолиант и повернулся к жене спросить, скоро ли ужин. Маргарет, сразу отложив вязанье, ответила утвердительно и принялась собирать на стол. Через несколько минут там появились хлеб, сыр и кружка домашнего пива. Джон придвинул стул и уже поднял руки, чтобы благословить трапезу, когда неначатую молитву остановил донесшийся снаружи крик. Джон вздрогнул, Маргарет побледнела.

— Что это за шум? — спросила она испуганно.

— Не знаю, — ответил ее муж. — Помолчим; может, повторится.

Они внимательно прислушались, однако различили только судорожные завывания ветра да стук дождя по облетающей с деревьев листве.

Супруги уже собрались вернуться к ужину, но тут в порыве бури вновь прозвучал жалобный крик. Казалось, это плачет испуганный младенец. Джон встал, открыл дверь и выглянул в темноту, однако вокруг опять воцарилась полная тишь.

— Чёй-то странное, — заметил Джон. — Эй, там, кто ты и чего тебе надобно?

— Ма-ма-ма, — отозвался голос совсем близко.

Джон торопливо отступил в дом и, затворяя дверь, воскликнул:

— Храни нас силы небесные, это не человеческий язык! В саду или призрак, или кто-то из Маленького народа.

Маргарет, впрочем, держалась иного мнения. Она взяла свечу и вышла в сад; супруг, не желая уступать жене в храбрости, последовал за нею. После недолгих поисков они обнаружили в розовых кустах закрытую корзину. Покуда муж и жена взирали на нее с изумлением, крышка приподнялась и наружу высунулась крохотная ручонка.

— Если там не дитенок, то я сама не живая человеческая женщина, — объявила Маргарет, берясь за корзину, и с этими словами поспешно возвратилась в дом.

После того как дверь тщательно затворили и заперли на щеколду, супруги оглядели свою находку: это был, ни много ни мало, хорошенький ребенок примерно двенадцати месяцев от роду. Милая доверчивая улыбка, которая светилась в больших голубых глазах, и ямочки на розовых щечках совершенно пленили достойную чету. Маргарет поцеловала дитя и с материнской нежностью прижала к груди, а Джон поклялся, что, покуда они живы, малыш больше не останется без крова. В ту ночь они отошли ко сну счастливейшей парой в Англии. До сей поры к чаше их блаженства примешивалась единственная капель-

ка горечи — отсутствие ребенка, которому они могли бы дарить любовь при жизни и оставить свое небогатое достояние, когда смерть заберет их в иной, лучший мир. Эта причина сетований словно по волшебству устранилась, и теперь ничто не омрачало их счастья.

На следующий день Маргарет сидела на крыльце с ребенком на коленях. Мимо как раз проходил мистер Хаслден, владелец Оуквуд-холла, джентльмен лет пятидесяти-шестидесяти; он был холост и располагал годовым доходом примерно в три тысячи фунтов. Заметив малыша, мистер Хаслден остановился и удивленно воскликнул:

— Чей это такой хорошенький малыш, Маргарет?

— Мой, сэр, — ответила она, вставая и делая реверанс.

— Ваш? Я и не знал, что у вас есть ребенок.

— Не было до вчерашней ночи, когда мы с Джоном нашли этого милого крошку в саду под розовым кустом у калитки.

— Так значит, вам неизвестно, чей он?

— Да, но поскольку, сдается, у него нет ни отца, ни матери, мы решили взять малютку себе.

— Это мальчик или девочка?

— Мальчик, сэр. К его одежде была приколоты бумажка с надписью «Эдвард Сидни».

Мистер Хаслден на мгновение задумался, потом сказал:

— Почтенная сударыня, я возьму на себя заботы о воспитании этого ребенка. Вы, если хотите, можете его нянчить и быть ему приемной

матерью, в каком-то качестве будете получать за труды десять гиней в год.

Сказав это, он удалился, не дожидаясь ее ответа.

Маргарет очень не хотела уступать ребенка и почти решилась отклонить притязания мистера Хаслдена. Впрочем, вечером, когда муж вернулся с работы, она обо всем ему рассказала и попросила дать ей совет, что тот и сделал незамедлительно в следующих словах:

— Вот что я скажу тебе, жена: не стоит обделывать мальчонку, отказываясь от такого щедрого предложения, потому что, думается мне, он знатного рода. Глянь на шелковый плащ, в котором мы его вчера нашли! Застежка-то, видать, из драгоценного камня — ишь как блестит! У бедняков таких не бывает. Надо бы отдать плащ мистеру Хаслдену: может, когда мальчонка вырастет, удастся доказать, кто он таков.

Маргарет как добрая жена послушала мужа и в тот же вечер отправилась в Оуквуд-холл, чтобы лично вручить плащ мистеру Хаслдену. Тот похвалил ее за честность и дальновидность, затем, бережно взяв плащ, запер его в сундук.

Шли годы, тайна оставалась сокрытой. Эдвард Сидни рос красивым мальчиком, сохраняя, впрочем, деликатность черт, отличавшую его в младенчестве. Однако теперь он начал проявлять наклонности, указывающие на знатное рождение. Была в нем решимость, которая, в зависимости от верного или ошибочного воспитания, могла либо заложить основу благородного характера,

либо выродиться в обычное упрямство. Он был обычно мил и приветлив со всеми окружающими, но порой, когда ему перечили, в его голосе и взгляде проступала заносчивая непреклонность, говорящая о благородной крови.

Мистер Хаслден, заботливый и щедрый опекун Эдварда, внимательно подмечал эти особенности и держался с ним так, чтобы наилучшим образом способствовать искоренению дурных черт и укреплению добрых. Мальчика не озлобляли ненужными запретами и не портили излишним потворством. В десять лет его отправили в Итон. Там он без усталости трудился, дабы освоить все ветви познания, необходимые широкообразованному человеку. Это рвение принесло желанные плоды, так что до окончания колледжа он был произведен в старосты и получил соляную дань на Монтемском холме*. Теперь перед его ищущим духом были открыты врата Кембриджа и Оксфорда. Он избрал второй из храмов учености, и оставался в его стенах, пока не снискал себе высочайшие почести. Не успел последний лавровый венок увенчать чело юного Эдварда, как того срочно вызвали в Дербишир по причине тяжелой болезни отца (ибо таковым он привык считать мистера Хаслдена). Молодой человек прибыл как раз вовремя, чтобы закрыть умирающему глаза и получить его последнее благословение.

---

* Старая итонская традиция, когда старосте (капитану) собирали деньги на обучение в Кембридже.

На много недель глубочайшая скорбь целиком затмила для Эдварда заботы внешнего мира. В лице мистера Хаслдена он потерял все, что было у него на земле. Ни малейшей привязанности не испытывал он теперь ни к одному человеческому существу, ибо Маргарет и Джон Картрайт, искренне любимые им, много лет назад отошли к праотцам.

Однако юношеский дух гибок. Несчастья могут согнуть его до самой земли, но вскоре он разгибается и дальше стоит прямо, так, будто его и не касался губительный перст отчаяния. Когда первая туча безутешного горя развеялась, Эдвард в поисках занятия приступил к разбору отцовских бумаг. Прежде всего он вскрыл завещание. Вся собственность была отписана ему как единственному сыну. Эдвард вяло проглядел документ и, убедившись в общем содержании, бросил его обратно в секретер, после чего взял небольшой пакет, запечатанный и адресованный ему лично. В пакете оказались алый шелковый плащ с драгоценной пряжкой и бумага, в которой приводилось подлинное имя юноши, а равно и обстоятельства, при которых он был найден. Когда изумление до определенной степени схлынуло, Эдвард не смог сдержать нескольких горьких слез при мысли, что человек, которого он так долго любил и считал отцом, на самом деле ему не родственник, а всего лишь друг, хоть и чрезвычайно щедрый. Следом пришло любопытство касательно настоящего своего происхождения — судя по плащу и дорогой алмазной застёжке,

весьма знатному. И тотчас светлая надежда будущею славы, питавшая его в прежние годы, излила умиротворение на дух Эдварда. В задумчивости, но не в тоске бродил он по опустевшим покоям Оуквуд-холла, мечтая обессмертить свое имя и размышляя, как поскорее претворить эту цель в жизнь.

Мирный покой эпохи, в которой он жил, не способствовал раскрытию таланта. Англия пребывала почти в застое, а пылкий дух Эдварда рвался в бушующий океан политических или военных распрей. Он не испытывал желания сесть и добиваться тихих бескровных лавров на литературном поприще. Его удовлетворило бы лишь полное напряжение всех умственных и телесных сил. С такими чувствами он обвел мысленным взором мир в поисках страны, где внутренние обстоятельства могли бы скоро пробудить его дремлющие способности. Ни одна не сулила больше желанных поводов к действию, чем далекая и для англичанина почти утопическая колония, недавно основанная в Африке. Подобно новому Альбиону вставала она под более синими небесами в более солнечном климате, населенная — по крайней мере так утверждали — человеческой расой, в корне отличной от всех других на земном шаре. Такого рода загадки еще усиливали ее притягательность в глазах Сидни. Решение было принято мгновенно. Он мысленно постановил навеки покинуть Англию и отправиться за славою в те края, где больше надежда ее сыскать.